

крошечные частушки. И в тех незатейливых на первый взгляд куплетах, щедро одобренных юмором, то и дело поблёскивают выкристаллизованные крупинки соли земли русской, что на сто один раз была полита слезами, потом и кровью простых тружеников. А ещё стихи и рассказы Юрия Дубатова наполнены сладкой горечью красных ягод рябины, хранимым и любимым деревом, не единожды воспетым русскими поэтами. Эстетам, вкушающим нектар высших сфер, способным отличить тончайшие нюансы сладкого сиропа, рябина придётся явно не по вкусу, а уж тем более сладковато-кислые ягоды калины. Оно и понятно! Далеко не каждый сможет выдержать убойно-резкий запах пареной калины, кислой капусты, щей, старого овчинного полушубка или рубахи-вязанки.

А Юрий Дмитриевич продолжает настойчиво вопрошать: «Кто мы? Что мы? Были или не были...». С грустью и печалью вспоминает «ушедших друзей эскадрильи», «юность с печальной улыбкой», что «ушла в окровавленный век». Вспоминает и «батини военные рассказы», которые «наизусть выучил давно», потому что Юрий – сын той «рождественской ночи, / Которую помнил отец, / Он третьего сына пророчил, / Вернувшись с войны наконец». Да, Юрий Дмитриевич из поколения тех, чьё детство пришлось на трудное, голодное послевоенное время. Недаром он написал стихи «Ода российскому огороду» и «Ода картошке». «О, сколько ты насытил ртов голодных / И сколько спас, с Петровских тех времён» – воспевают Юрий Дмитриевич российский «картохан».

Но душа поэта вольно или невольно тянется к Сергею Есенину, чьи стихи Дубатов знает наизусть и может читать их бесконечно долго, как и стихи многих других поэтов. В книге есть стихотворение «Светлой памяти дочери С. Есенина и Зинаиды Райх», а также рассказ «И такой родимый, и такой далёкий» о мимолётной встрече Юрия Дмитриевича с Татьяной, дочерью Сергея Александровича, на Ваганьковском кладбище. Есть стихи-посвящения, как, например, «Светлой памяти поэта В. Ковшова», «Памяти Володи Шуляева», «Сергею Гейне». Есть и такие стихи, где Юрий Дубатов высказывает своё мнение о художниках Алексее Саврасове, Марке Шагале, о картине «Чёрный квадрат» Казимира Малевича.

Оглядываясь назад («фотография прошлого <...> все такие хорошие / И чему-то все рады»), поэт признаётся: «Тревожная память волнует меня». Почти в каждой строчке слышится сожаление о том, что «мы безнадежно устарели», «мы равнодушием убиты», «и сжимается сердце поэта, / Неужели всё было зазря...» Нет, не зря, Юрий Дмитриевич. Ваше слово останется в стихах, ведь Вы о главном сказали – «наяву и в сновидениях / Я – просто человеком был»!

О КНИГЕ «ЗАВТРАШНЕЕ» (СТИХИ, ПРОЗА, ДРАМАТУРГИЯ МОЛОДЫХ КЕМЕРОВСКИХ АВТОРОВ)

Первое, о чём подумалось после прочтения книги, – в своих произведениях авторы ищут ответы на вопросы: «Мир – я?» или «Я – мир?». Пробуют на вкус и цвет, пытаются понять, а какой он, этот самый мир, если к нему прикоснуться щекой, губами, окунуться в него, как в море, взять в свои ладони и просветить солнечным лучом. Таня Речина – «ступнями / целую / землю, / каждый / шаг – / поцелуй». Константин Стафиевский – «...Скорость и юность. Глаза словно птицы, / В которых борьба перемен...». Марина Фёдорова – «Тёмная ночь / фонари спят / стоя»; «побелила деревья / танцуют весну / балерины». Михаил Рантович – «...не шелохнусь, насыщаю глаза, / вижу на воздухе водную пыль Я...».

Авторы рассказывают о своих попытках ответить ещё на один вопрос: «Кто – я?». Крутятся возле зеркала, примеряя то себя к миру, то мир к себе. Юрий Климанов – «...О недужный и рваный ноябрь! / Как до боли похож на него я!». И его же стихотворение «Это был я». Марина Фёдорова – «Зазеркальная девочка – там, во мне...». Никита Мулинов – «Я – отпечаток любви твоей, Господи, / Я – рукотворный сосуд...». Анастасия Кондрина – «Я – плохое. / Я боль раненой головы, / Я канавы и рвы...». Александр Хорунжий – «Я первенец. / Я комом». Александр Шихер – «Я дерево. Жду своего палача. / Во мне деревянная кровь горяча...». А вот другие строки этого автора – «...отыскать в толпе, / Как заветный цветок на поляне, / Одного из меня-в-себе, / Говорить с ним об ине и яне...». Юлия Шкуратова – «я представляю себе себя как телеграмму...». А вот мир Юля видит так – «...Мне мир представляется ложным. / Всё есть, но чего-то в нём нет».

Пора взросления – трудная пора. Ох как не просто найти себя в этом огромном мире. Никита Мулинов – «...В мареве многомерности смысл нащупать хочу, / Нищий бродяга в колючих песках современности...». Михаил Рантович – «...Я, одинокий человек, / в свою печаль смогу влюбиться». Александр Хорунжий – «...Сегодня делают тела широкими, / Чтобы в них могли уместиться тощие души». Виктор Шагиахметов – «...Улыбаясь ближнему, / до сих пор на секунду дышать прекращаю». Александр Шихер – «...И понял: есть четвёртое состояние / У воды. Оно называется Бог...».

Некоторые авторы пробуют свои силы одновременно и в прозе, и в поэзии, а вот Анастасия Кондрина написала стихи и пьесу. Какую форму литературного творчества предпочтут авторы книги в дальнейшем, трудно сказать сейчас. Жизнь идёт, всё меняется. Если в настоящее время «поэзия – офигительное занятие» для Святослава Иванова, а Александру Шихеру хочется «вдыхать слова, выдыхать стихи», то Анастасия Кондрина устами Миши, героя пьесы, говорит так: «Мои стихи – возможность говорить с людьми, кричать им обо всём, что накапливается внутри, об

этом безудержном урагане, что рвётся из меня и рвёт меня на части».

В книге много иллюстраций молодых кемеровских художников. Все работы выполнены в чёрно-белом или бело-чёрном цвете. Да и обложка похожа на асфальт или кадр, снятый на поляроид. Задумано, наверное, как чёрно-белое кино. Пока неизвестно, проявится ли этот кадр завтра или останется пустым негативом. А может, отпечаток получившегося изображения безвозвратно смоемся временем...

Взяв в руки книгу и глядя на «чёрный квадрат», невольно подумала: «И это «завтрашнее?!». Нет, не хочу такого тёмного, строго выверенного завтрашнего. Спора нет, эффектно смотрится на белой стене «чёрный квадрат». Но пребывать, а тем более завтра в жёстких рамках пространства, как губка впитавшего в себя гать, горечь и боль «Зимней вишни», «запах чёрного снега» и много ещё чего чёрного, не хотелось бы точно. Остаётся надеяться на молодых и креативных, которым будет по силам спасти души людей от скверны. Это как на тех ил-

люстрациях в сборнике, где пожарный вынес котёнка из дома, охваченного огнём, где от сердца к сердцу передают горящий уголёк, где руки, сотворившие техническое чудо прогресса, защищают от него же природу, которая замерла, как стрекозка, в ожидании тепла, солнца и человеческой любви.

Чёрным по белому, белым по чёрному
Тушью, гуашью, волшебным пером
Чертят, выводят, рисуют по голому,
Чистому полю, а строится дом.
Чёрным по белому, белым по чёрному
Дом потихоньку под крышу растёт,
Если построен с любовью, по-доброму,
Сказка в нём точно тогда оживёт.
Хочется верить, не будет там фальши,
В гости приедут одни лишь друзья.
Белым и чёрным рисуйте и дальше,
Вырасти чтоб в полноценное «Я»!

Татьяна ГОРОХОВА, г. Топки

Наши юбиляры

Владимиру Шумилу – 65 лет!

Дорогой Владимир!

Поздравляем тебя с 65-летним юбилеем! Желаем могучего здоровья, морского и сибирского, неиссякаемого вдохновения, оптимизма, радости, надёжного дружеского плеча!

Твои писатели

У Ирины Фроловой – юбилей!

Дорогая Ирина!

Все мы в едином порыве поздравляем тебя со славным юбилеем! Крепкого тебе здоровья, неувядающего вдохновения, любви, счастья, новых книг и только приятных хлопот!

Твои писатели